

РУССКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ 1905–1907 ГГ. В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П.Е. КАЗАНСКОГО

А.Е. Беляев, кандидат философских наук.

Следственное управление УМВД России по Василеостровскому району г. Санкт-Петербурга

Рассмотрен культурологический аспект концепции русской философии права П.Е. Казанского. Дан анализ влияния социокультурных факторов развития политической системы Российской Империи начала XX в., указано место в ней Императора Всероссийского после политико-правовых реформ 1905–1907 гг. Идеи П.Е. Казанского представляют безусловный культурологический интерес в постижении русской философии права.

Ключевые слова: традиционалистская субкультура, политические процессы, Основные государственные законы Российской Империи от 23 апреля 1906 г., система ценностей

RUSSIAN IMPERIAL POWER IN THE CONTEXT OF THE REFORMS OF 1905-1907 IN THE CULTUROLOGICAL CONCEPT P.E. KAZANSKIY

A.E. Belyaev. Investigatory Department of Ministry of internal affairs department of Russia in the Vasileostrovsky district. Saint-Petersburg

Considered cultural aspect of the concept of Russian philosophy of the right not to. P.E. Kazanskiy. The analysis of the impact of socio-cultural factors in the development of the political system of the Russian Empire in the early twentieth., Stated in her Emperor of Russia after a political and legal reforms of 1905–1907. Ideas P.E. Kazanskiy are the undisputed cultural interest in understanding the Russian philosophy of law.

Keywords: traditionalist subculture, political processes, Basic laws of the state of the Russian Empire on april 23, 1906, system of values

Большинством ученых признано особое влияние культурологического фактора на развитие государства и общества [1]. У каждого общества на определенном историческом этапе присутствует своя система ценностей, что достаточно ярко выразил тезис И.Л. Солоневича: «Каждый народ мира стремиться создать свою культуру, свою государственность и, наконец, свою империю» [2, с. 15]. Однако не всякий народ мира располагает силой и волей, необходимой мотивацией, чтобы данную империю создать. Достаточно беглого взгляда на современную политическую карту мира, чтобы осознать, что Россия в ней занимает самую огромную территорию, и поэтому следует согласиться с И.Л. Солоневичем, что русскому народу нет никаких оснований страдать комплексом неполноценности.

Тем не менее политические границы современной России, как, впрочем, и система ценностей народов, населяющих современную Российскую Федерацию, решительным образом отличаются от политических границ Российской Империи времен 1914 г. и системы ценностей народов той эпохи, что решительно не согласовывается с утверждением Е.В. Сазонниковой, что «уже в самом названии – «Российская Федерация» – воплощена культурно-историческая преемственность» [1, с. 39]. Начиная с того, что в публично-правовом и конституционном аспекте Российская Федерация нигде не объявляет себя правопреемницей Российской Империи, а только правопреемницей Советского Союза. Кроме того, по мнению И.А. Ильина, в России никогда не было предпосылок истинного федерализма. России может быть навязана только форма «псевдофедерации». Кроме того, современные политические лидеры России явно дистанцируются от Российской Империи.

Основную причину можно увидеть в «государственном обвале» (выражение И.А. Ильина) [3] традиционной русской государственности, случившейся в феврале 1917 г., когда Императора Николая II лишили Верховной Власти. Соглашаясь с предложенной трактовкой А.А. Дьяконова о существовании в современной России двух ведущих субкультур – «традиционалистской» и «инновационной» [4], можно предположить, что февральский государственный переворот стал возможен потому, что политическая элита России начала XX в. как правительственная, так и оппозиционная, слишком поддалась влиянию западноевропейского «аксиологического» [5] транзита, в том числе в сфере политики, права и государственностроения. «Инновационная» субкультура одержала в сознании политической элиты 1917 г. решительную победу над «традиционалистской» субкультурой. И политическая элита современной России в основной своей массе придерживается «инновационной» субкультуры.

Император Николай II, воспитанный в рамках «традиционалистской» субкультуры, разделяемой большим сегментом русского народа и Русской православной церкви, был идейно ориентирован на своего отца Императора Александра III. При этом, являясь властным субъектом, Николай II воспринимал свою власть не как благо, но как бремя, возложенное на него Богом. Русский народ того времени, безусловно, должен был относиться к патриархальному типу политической культуры. В обществе той эпохи доминирующим было монархическое правосознание. Системная составляющая социума охотно подчинялась государю. Николай II, выросший в определенной социальной среде, твердо придерживался убеждения, что самодержавие есть особая форма государственной власти, присущая только России и только оно, неограниченное самодержавие, способно обеспечить стабильность в государстве для эффективного отстаивания его экономических, политических, национальных и религиозных интересов на мировой арене. Немаловажную роль на закрепление данной политической культуры оказал на Императора К.П. Победоносцев, читавший ему курс лекций по истории государственного права. В своем манифесте от 1895 г. Николай II четко обозначил, что намерен неуклонно сохранять самодержавие в полном объеме. И действительно до событий 1905 г. Николай II придерживался того курса, которым правил его отец Александр III и прадед Николай I.

Однако к началу XX в. активизировались русские конституционалисты, сторонники «инновационной» субкультуры и «западноевропейского пути» развития России, которые были ориентированы на упразднение самодержавия и перевод России на, «правильный» (с их точки зрения) путь, то есть окутанный романтически-сладостным туманом путь конституционализма, указанный авторитетным перстом Западной Европы. Но, как известно, Западная Европа – слишком собирательный и абстрактный образ, за которым скрывается масса различных государственных устройств. И число отечественных сторонников необходимости «конституционного» пути развития России такое огромное, что в случае удачной реконструкции их взглядов при желании можно собрать не один увесистый том. Собирательно, не вдаваясь в детали, про «конституционный» идеал доморожденных Бердяй Булгаковичей как иронично и в то же время емко и точно выразился основоположник народно-монархической идеологии И.Л. Солоневич: их «идеал – буржуазная республика неизвестного типа» [2].

В разгар русско-японской войны, в которой, по мнению П.В. Мультатули, прежде всего, были заинтересованы Англия, США и международный транснациональный капитал [5, с. 268], опасавшиеся стремления России в ее прорыве в Дальневосточный-Азиатский регион [5, с. 19, 255, 267, 284] для дестабилизации внутренней обстановки с враждующим государством осенью 1904 г. в Париже, где проходила конференция оппозиционных и сепаратистских сил России, японское правительство в лице своего военного атташе полковника Мотодзиро Акаси [5, с. 312] через финских социалистов (в частности, Конни Циллиакуса) профинансировало российскую оппозицию. Поражение России в войне с Японией, «стихийно» вспыхнувшая, так называемая, первая «русская» революция с её массовым террором, стачечным движением, крестьянскими бунтами поколебала

твердость прежнего политического курса Императора Николая II. Мультиплицируя П.В. напрямую увязывает возникновение первой революции с внешнеполитическим фактором [5, с. 338, 340]. Об их причинах умалчивает как советская, так и либеральная историография.

Необходимо отметить, что политико-правовые реформы 1905–1907 гг. состоят из ряда взаимосвязанных законодательных актов.

Всему предшествовал Указ Императора от 12 декабря 1904 г «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Данным указом на председателя комитета министров возлагалось право на всеподданнейшие доклады Императору.

17 апреля 1905 г. Император подписал Указ «Об укреплении начал веротерпимости».

Манифестом от 6 августа 1905 г. Император объявил о создании в России законосовещательного органа – Государственной Думы.

Под давлением либерального крыла русской интеллигенции, во главе которого стоял премьер-министр С.Ю. Витте, являющийся сторонником ценностей «инновационной» субкультуры, Император Николай II подписал Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». С этого момента, по мнению известного сторонника «конституционализма» Н.И. Лазаревского, Николай II добровольно «ограничил» свою Верховную Власть, и Россия перестала быть самодержавной монархией и превратилась в конституционную [6].

20 февраля 1906 г. была учреждена Государственная Дума, ставшая первой палатой парламента, а Государственный Совет был преобразован во вторую палату российского парламента.

23 апреля 1906 г. были изданы «Основные Законы Российской империи» (ОЗГ 1906 г.). До их издания государство жило под «Сводом Законов Российской империи» (разработанными к 1832 г. М.М. Сперанским и 1 января 1835 г. введенными Императором Николаем I). В редакции 1835 г. ОЗГ составляло 15 томов.

Статья 4 ОЗГ 1906 г. гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает». Ранее в ст. 1 ОЗГ 1835 г. «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти, не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает».

Отсутствие в ст. 4 ОЗГ 1906 г. предиката «неограниченный» позволило приверженцам космополитической школы и «инновационной» субкультуры говорить о существовании после 17 октября 1905 г. «конституционной монархии». Вопрос о не включении в ст. 4 предиката «неограниченный» специально обсуждался в апреле 1906 г. в Царскосельском совещании при Императоре, где Николай II выразил ясно свою позицию: «Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости ... изменить определение верховной власти, существующее в ст. 1 законов основных уже 109 лет. Мое убеждение, что по многим соображениям крайне опасно изменять эту статью и принять ее новое изложение». Дурново П.Н. высказал, что «после актов 17 октября и 20 февраля неограниченная монархия перестала существовать» [7].

Безусловно, политико-правовые реформы 1905–1907 гг. существенным образом изменили государственное устройство, и их осмысление породило в науке серьезный правовой дискурс. Особенно остро стоял вопрос: осталась ли Россия самодержавным государством или же вступила на путь монархического конституционализма. Иными словами, если подвергнуть культурологическому анализу тексты [8–10] участников правового дискурса, внимание которого было сосредоточено на политико-правовых реформах 1905–1907 гг., то, как в лакмусовой бумажке, высветятся носителями и проводниками какой субкультуры являются его авторы – «традиционалистской» или «инновационной».

Правые консерваторы, которые, безусловно, должны быть отнесены к носителям «традиционалистской» субкультуры, не желая оставаться в стороне, активно включились в дискуссию.

В журнале «Мирный труд» за 1904 г. Н.И. Черняев публикует свои работы: «Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия» и «Из записной книжки русского монархиста» [11, с. 16], в которых отстаивает мистический характер русского самодержавия. Об этом подробнее можно ознакомиться в статье «Аксиология русского консерватизма Николая Червяева» [12].

Бывший народоволец Л.А. Тихомиров, развивая свои идеи, высказанные ранее в работе «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1895 г.), в 1905 г. публикует «Монархическую государственность», в которой философски обосновывает необходимость сохранения Самодержавной монархии в России. Особенно много места Л.А. Тихомиров уделяет раскрытию религиозно-нравственного аспекта русского самодержавия [13].

В 1912 г. в Новочеркасске Н.А. Захаров издает работу «Система русской государственной власти», в которой, очерчивая «традиционные» идеи Монтескье о разделении государства на три ветви власти, выделил новую, четвертую [4, с. 304] ветвь власти, принадлежащую непосредственно Императору, он назвал ее «самодержавной», которая «применяется в затруднительные, исключительные моменты истории, когда нормы права бессильны пред потоком жизненных явлений, и нужно считаться с тем, что в государстве есть такая простая, несложная, единовольная власть, которая может одним твердым своим решением поднять государство в тяжелые моменты...» [14, с. 327].

Вершиной правовой дискуссии, пытающейся осмыслить место и роль, а также полноту или, напротив, «ограниченность» правовых возможностей самодержца, явилась книга «Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права» (1913 г.), в которой глубочайшим образом был исследован юридический аспект самодержавной власти в контексте реформ 1905–1907 гг. и предпринята удачная попытка противостоять культурной экспансии западноевропейской цивилизации, идеологами которой были П.Н. Милюков, Н.И. Лазаревский, Л.А. Шалланда и др. Ее автор известный русский правовед с мировым именем, специалист по международному праву – Пётр Евгеньевич Казанский (1866–1947).

В современной науке проявляется интерес к идеям П.Е. Казанского, были проведены Международные чтения по международному праву, посвященные памяти профессора Императорского Новороссийского университета П.Е. Казанского.

Современный исследователь М.Б. Смолин высоко оценил работу П.Е. Казанского «Власть Всероссийского Императора», наравне с которой, по мнению Смолина, в русской политико-философской литературе стоит только «Монархическая государственность» Л.А. Тихомирова. Также М.Б. Смолин труд П.Е. Казанского назвал «энциклопедией русской имперской юридической мысли», раскрывающей во всей полноте смысл Верховной Власти Российской Империи [15, с. 5].

Петр Евгеньевич родился 18 мая 1866 г. в дворянской семье военного врача и одновременно ученого Евгения Петровича Казанского. В 1890 г. П.Е. Казанский получил высшее образование, окончив Императорский Московский университет. В университете Казанский был оставлен еще на два года для подготовки к профессорскому званию по международному праву. По окончании вуза Казанского назначили приват-доцентом в Казанский Императорский университет, где на кафедре международного права молодой ученый подготовил и успешно защитил магистерскую диссертацию по теме: «Договорные реки. Очерки истории и теории международного речного права» [16].

Министерство народного просвещения направило П.Е. Казанского в научную командировку по Европе. Там ученый работал в брюссельской, берлинской, бернской, парижской библиотеках. Результатом его кропотливой полугодовой командировки явился внушительный (более 1500 стр.) труд, в трех томах: «Всеобщие административные союзы государств». Первый том этого исследования стал темой докторской диссертации П.Е. Казанского [17].

В конце 1896 г. П.Е. Казанский вернулся из научной командировки в Россию и был назначен в Одессу профессором на кафедре международного права в Новороссийский

Императорский университет, где он проработал до 1947 г. В 1908 г. П.Е. Казанский стал деканом юридического факультета.

В 1901 г. в Одессе П.Е. Казанский опубликовал «Введение в курс международного права» и в 1902 г. ещё один учебник по международному праву [18].

Дважды П.Е. Казанский принимал участие в съездах правых профессоров в Санкт-Петербурге (в апреле 1906 г. и в декабре 1910 г.). Правые профессора стояли на страже академической науки, не желая пускать в нее революционеров: «Допущение политической агитации в стенах университета и вообще в высших учебных заведениях, несовместимо с их назначением и научными задачами» [19, с. 6, 7]. За эти убеждения Пётр Евгеньевич и многие другие правые профессора подвергался травле со стороны либерального и социалистического крыла русской интеллигенции.

В июне 1910 г. П.Е. Казанский был активным участником на Славянском съезде в Софии.

После утвердившейся советской власти в России огромная часть русской интеллигенции (около 2-х млн) была вынуждена уехать в эмиграцию. Казанский П.Е. пожелал остаться в России и продолжил заниматься академической наукой, работая в ряде вузов Одессы. Однако его труды после 1917 г. не были опубликованы [16, с. 19], не получили известности и ждут своего современного исследователя. Казанский умер в 1947 г. (точная дата смерти не известна).

Сам П.Е. Казанский русскую правовую школу делил на два лагеря – *космополитический* и *национальный, народный* [20, с. 29]. Для мыслителей космополитического направления, согласно логике П.Е. Казанского, право вообще и публичное право в частности, характерно рассматривать как «общественную математику» [20, с. 30], формулы, которой могут быть применены ко всему. Для П.Е. Казанского подобная точка зрения методологически неприемлема. Последовательно отстаивая национальную точку зрения, Казанский философски исходил из того, что «слепое подражательство» [20, с. 30] присуще слабым народам. У национально ориентированного профессора не вызывает сомнения, что «развитие русского государства должно совершаться именно в русском направлении» [20, с. 20].

Величие России – «мировое государство современной культуры» [20, с. 20] – мыслитель связывает с исторической Верховной властью. Задача истинно русского – защищать ее. Русская Императорская власть, по мнению Казанского, должна подлежать не только юридическому анализу. «Русская Императорская власть – один из крупнейших фактов всемирной истории, – писал он в предисловии, – одна из главных сил, которые двигают современной общественной жизнью России, Славянства и всего человечества, наконец, одно из величайших явлений в области религиозно-нравственных отношений» [20, с. 22]. Верховная Власть русского Царя для русского народа традиционна, исторически закономерна, культурно органична и родна, религиозно закреплённая и освященная. Русский Царь есть религиозно-нравственный авторитет. Кроме того, Царь является главным хранителем национального своеобразия и русской культуры. Начиная с Павла I, русский Царь есть глава Русской Православной церкви. Верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия [20, с. 140]. Созыв Всероссийского Церковного собора не может совершиться без санкции царя [20, с. 148].

Между Царем и русским народом существует духовно-нравственная связь. «Царь – одна из величайших исторических святынь русского народа» [20, с. 471], кроме того, императорская власть есть главный моральный центр народа [20, с. 477]. Образ Царя есть один из главных архетипов русской культуры, и это П.Е. Казанский прекрасно осознавал.

Приступая к наиболее значимому своему труду, Казанский не пытался рассматривать власть Всероссийского Императора со всемирно-исторической, национальной, политической, социальной и религиозно-нравственной точек зрения [20, с. 23], понимая грандиозность задач и неподъемность темы. Свою задачу как исследователя он видел несколько скромнее: изучение русского права, анализ законов и других актов, юридическое построение

и оформление Императорской власти, а также в выработке теории русского самодержавия [20, с. 40].

Теоретико-методологическая база юридического анализа концептов «Самодержавие» и «Русской Императорской Власти» П.Е. Казанцева базируется на огромном фундаменте юридической и философской литературы: работы Н.И. Лазаревского, В.В. Ивановского, Н.А. Захарова, В.В. Розанова, А.В. Романович-Славятинского, В.Д. Каткова, Н.П. Загоскина, Н.И. Палиенко, П.Н. Семенова, Л.А. Тихомиров, Н.И. Черняева, Б.Н. Чичерина, Е.В. Спекторского, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, И.С. Аксакова и др. авторов.

Подвергая глубокому правовому анализу ОЗГ 1906 г., П.Е. Казанский постоянно трактует их в контексте Высочайшего манифеста от 3 июля 1907 г. Именно в анализе трёх предикатов русской императорской власти «Верховная», «самодержавная» и «неограниченная» [21] П.Е. Казанский рассматривает основы государственного строя Российской Империи, сложившегося после политико-правовых реформ 1905–1907 гг.

Согласно концепции П.Е. Казанского, «действующий государственный строй, есть строй лишь обновленный, но по существу своему остающийся прежним» [20, с. 587]. Полнота власти по-прежнему оставалась сосредоточена у Императора Николая II, который является Верховным обладателем государственной власти.

Вся государственная власть, в том числе и законодательная, принадлежит Императору [20, с. 116], ибо именно государь является источником русского права. В анализе правовой реальности Казанский, полемизируя с профессором В.В. Ивановским и Н.А. Захаровым, решительно убежден, что ни о какой делегации части своих прав Государственной Думе и Государственному Совету не может быть и речи. Казанский П.Е. подвергает анализу ст. 7 ОЗГ 1906 г., в соответствии с которой «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой». Казанский в своей концепции обращает внимание на ключевое понятие «единение», которое ранее, до политических реформ 1906 г., русское право не знало. Казанский убедителен в своем тезисе, что особый юридический порядок для законодательства, установленный ст. 7, в ОЗГ никак не разъяснен, поэтому единение «ограничено, поскольку речь идет о юридических началах, *весьма узкими рамками*» [20, с. 118, 126].

Создавая свою концепцию осмысления русского права, П.Е. Казанцев опирался на русскую государственную культуру, письменное публичное право и верное правосознание русского народа.

Итоги правового дискурса политических реформ 1905–1907 гг. Российской Империи, изложенного в концепции П.Е. Казанского, представляют безусловный историко-культурный интерес в современной философии права.

Литература

1. Сазонникова Е.В. Предмет отрасли конституционного права в культурологическом аспекте // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2007. № 1. С. 33–43.
2. Солоневич И.Л. Народная Монархия. М.: Изд. фирма «Феникс» ГАСК СССР, 1991. 512 с.
3. Ильин И.А. Наши задачи: собр. соч. в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 2. 480 с.
4. Дьяконов А.А. Об основных культурологических аспектах развития политической системы в России // PRO NUNC. Современ. полит. процессы. Тамбов. Изд-во: Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. 2012. № 1 (11). С. 11–16.
5. Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917). М.: Изд-во «ФИВ», 2012.
6. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 1. 276 с.
7. Царскосельские совещания. Неизданные протоколы совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру основных законов // Былое. 1917. № 4.
8. Симбирцева Н.А. Анализ и интерпретация текстов культуры: методический аспект // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 160–162.

9. Симбирцева Н.А. Культурологический потенциал категории «текст культуры» // Человек в мире культуры. 2013. № 3. С. 27–32.
10. Солоневич И.Л. Наши интеллигенции. Загадка и разгадка России. М.: Изд-во «ФИВ», 2013. С. 253–289.
11. Черняев Н.И. Русское Самодержавие. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 864 с.
12. Беляев А.Е. Аксиология русского консерватизма Николая Черняева // Вестник Орловского гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитар. исследования. 2015. №1 (42). С. 276–279.
13. Беляев А.Е. Монархия как верховная власть нравственного идеала в философии Л.А. Тихомирова // Известия Междунар. акад. аграрного образования. 2015. № 22. С. 68–72.
14. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. 400 с.
15. Смолин М.Б. Путь имперского юриста. Очерки имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX– первой половины XX в. М., 2000.
16. Казанский П.Е. Договорные реки. Очерки истории и теории международного речного права. Казань. 1895.
17. Казанский П.Е. Всеобщие административные союзы государств: в 3-х т. Одесса, 1897.
18. Казанский П.Е. Учебник международного права: публичного и гражданского. Одесса, 1902. 532 с.
19. Казанский П.Е. Совещание профессоров в декабре 1910 г. Одесса, 1910.
20. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. 3-е изд., доп. М.: Изд-во «Ф ИВ», 2007. 600 с.
21. Староверова Е.В. Свойства Императорской власти согласно основным государственным законам Российской империи 1906 г. // Вестник Моск. ун-та. Сер.: Право. 2009. № 2. С. 99–107.